

ЕВРОПА **против** РОССИИ

Александр
Широкорад

РОССИЯ и ПОЛЬША ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ВЕКАХ

Александр Борисович Широкоград

Россия и Польша.

Противостояние в веках

Серия «Европа против России»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69202234

Александр Борисович Широкоград. Россия и Польша. Противостояние в веках: Вече; Москва; 2023

ISBN 978-5-4484-8885-6

Аннотация

Отношения двух славянских народов в течение последнего тысячелетия были сложными и драматичными. В X – XIII веках русские и польские князья торговали друг с другом, часто ездили в гости, на охоту, большинство польских княгинь было из рода Рюрика. Были и частые войны, но их вполне можно назвать «добрососедскими»: не народ шел на народ, а один князь звал побратима – ляха или руса – вместе побить соседа. Однако вмешательство католической церкви и неограниченная вольность, а точнее, произвол польских магнатов вызвали вековой антагонизм народов. В XIX – XX веках предпринимались попытки примирить поляков и русских. И действительно, на десятки лет устанавливалось взаимовыгодное

сотрудничество. Но, увы, всегда находились силы, разрушающие мир и разжигающие ненависть между народами.

В этой книге читатель сможет узнать о причинах столь непоследовательного и странного поведения наших западных соседей и с опорой на подлинные документы разных эпох составить полное представление об истинных целях и задачах тех стран, которые разжигают ненависть и разрушают дружбу народов.

Книга издается в авторской редакции.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Раздел I	6
Глава 1	6
Глава 2	40
Глава 3	51
Раздел II	60
Глава 1	60
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Александр Широкоград Россия и Польша.

Противостояние в веках

Знак информационной продукции 12+

© Широкоград А. Б., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Раздел I

От дружбы к конфронтации

Глава 1

Рюриковичи и Пясты

– враги и союзники

В IX веке территория Польши контролировалась десятками племенных группировок, только в Силезии их было не менее пяти. К началу X века наиболее сильными становятся две группировки – висляне («люди Вислы») вокруг Кракова и поляне («люди полей») вокруг Гнезно. В 960 г. верх берет полянская группировка, во главе которой стоит князь Мешко (Мечеслав) (922–992) из рода Пястов. Согласно легенде, основателем этой династии был простой крестьянин Пяст, изготавливавший колеса для телег.

Около 966 г. Мешко женится на чешской княжне Доброве (Дубровке). Невеста была христианкой, и Мешко пришлось креститься. Вместе с Добровой в Польшу приехало и несколько священников-папистов во главе с епископом Иорданом. Именно с них и началось крещение Польши.

Мешко начал сношения с римским престолом, и в 990 г.

римский папа признал Мешко королем. Тем не менее занявший после смерти Мешко престол Болеслав I Храбрый считался только великим князем и принял королевский титул лишь в 1025 г. за несколько недель до своей кончины.

Первое столкновение Руси¹ и Польши, о котором сохранились письменные свидетельства, произошло в 981 г. Согласно русской летописи, князь Владимир Красное Солнышко (г. рожд. неизв. – ум. 1015 г.) ходил с войском на ляхов и занял Перемышль, Червен и другие их города. Забавно, что чешские историки утверждают, будто эти города не могли быть отняты у поляков, а были отняты у чехов, поскольку земля к востоку до Буга и Стиря, впоследствии названная Галицкой, принадлежала в то время чехам. Чехи ссылаются на данную Пражскому епископству при его основании грамоту, в которой границами епископства к востоку обозначены реки Буг и Стирь в Хорватской земле. С. М. Соловьев довольно аргументированно доказал недостоверность этой грамоты², так что 981 г. мы должны считать годом первой русско-польской войны.

Русские летописи свидетельствуют, что занятые князем Владимиром города принадлежали Руси еще при Олеге Вещем, но были заняты поляками в малолетство князя Игоря.

¹ В данной монографии здесь и далее автор будет называть население стран так, как оно называлось в документах того времени.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 193–194.

Согласно русским летописям, в 992 г. князь Владимир воевал с Мешко «за многие противности его» и в бою за Вислой одержал полную победу. Поводом к этой войне могли служить спор за Червенские города. Война эта могла вестись в союзе с чешским князем Болеславом II Благочестивым, который с 990 г. воевал с Мешко. Болеслав I Храбрый (967—1025), занявший польский престол после смерти своего отца князя Мешко в 992 г., еще как минимум год продолжал войну.

Болеслав I был опытным политиком и храбрым воином. На севере он расширил свои владения до Балтийского моря, подчинив себе поморян и пруссов. Болеслав I, воспользовавшись смертью в 999 г. чешского князя Болеслава II, напал на Краков и присоединил его с окрестностями к Польше. В это же время он захватил Моравию и земли словаков до Дуная.

Примерно³ в 1008–1009 гг. Болеслав I заключил мир с Владимиром Красное Солнышко. Мир был скреплен родственным союзом: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира Святополка (ок. 980 – ок. 1019). Но этот первый родственный союз польских и русских князей привел не к миру, а к серии новых войн. Где-то между 980 и 986 гг. Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава – в Полоцк, Святополка – в Туров, Ярослава – в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сы-

³ Из-за скудности и противоречивости источников X–XI вв. историкам приходится иногда реконструировать события и ориентировочно указывать даты.

новей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

В конце 1012 г. или в начале 1013 г. Святополк вместе с женой и ее духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыгаться фантазии историков. Так, Ф. И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»⁴. Видимо, более близок к истине П. Голубовский: «Князь Туровский, Святополк, заводит отношения с Польшей, чтобы иметь поддержку для завоевания своей автономности, и попадает за это в тюрьму»⁵. Не исключено, что Святополк попросту отказался платить дань Киеву, как это сделал в 1014 г. князь Ярослав в Новгороде.

В немецкой хронике Титмара Мерзенбургского, умершего в 1018 г., говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар

⁴ Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872. С. 257.

⁵ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-руссских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 175.

не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара, Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником, или наоборот, Святополк правил страной от имени отца.

Любопытно, что все русские летописи молчат о последних годах жизни князя Владимира Красное Солнышко. Из этого может следовать лишь один вывод: кто-то, то ли сам слишком «мудрый» Ярослав, то ли его беспокойные детишки, основательно отредактировал русские летописи, а периоды, где врать уже было невмочь, попросту опустили.

Так или иначе, но к 1015 г. Святополк был если не правителем Киева, то, по крайней мере, соправителем своего отца⁶. Надо сказать, что перед смертью Владимира на Руси творился бардак или беспредел – кому как нравится. К примеру, после смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича, посаженного отцом в Полоцке, полоцким князем-наместником был назначен не следующий по старшинству брат, как было принято тогда и в последующие 400 лет на Руси, а сын Изяслава юный Брячислав. Это свидетельствует о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева. Затем и Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной

⁶ Существует версия, что Святополк был не сыном Владимира, а племянников, сыном убитого им брата Ярополка. Однако достоверных подтверждений этой версии нет.

1015 г. Владимир разболелся и 15 июля умер. Естественным возможным преемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

История убийства варягами Бориса и весь варяжский вектор гражданской войны на Руси 1015–1025 гг. приведены в книге «Северные войны России». Здесь же я остановлюсь на польском векторе этой войны.

Осенью 1016 г. князь Ярослав Владимирович (в саге – Ярислейф) с помощью варягов разбил у города Любеч войско печенегов под предводительством Бориса Владимировича (Бурислейфа) и вскоре овладел Киевом. Борис бежал к печенегам, а князь Святополк – в Польшу к своему тестю Болеславу Храброму. При этом его жена стала добычей Ярослава.

Однако Болеслав был поглощен борьбой с немцами, и судьба дочери и зятя его мало волновала. Поэтому Болеслав решил немедленно завести дружбу с победителем. Мало того, вдовый Болеслав предложил Ярославу Владимировичу скрепить союз браком с его сестрой Предславой. Одновременно, «с лисьим коварством» (по словам Титмара Мерзебургского), Болеслав вел переговоры и с германской знатью, и тоже отправил сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда в Саксонии.

Ярослав же, овладев Киевом, считал себя непобедимым и грубо отказал Болеславу в союзе, как в политическом, так и в

брачном. Мало того, Ярослав в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (р. в 990 г., правил в 1025–1034 гг.), вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржиха, razорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Нимч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017 г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзабург, где находилась Ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей еще до начала войны 1015–1017 гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

Генрих дал согласие на брак Болеслава с Одой. Бракосочетание состоялось с фантастической для того времени быстротой – всего через четыре дня после заключения Будишин-

ского мира.

Между тем, в 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (нынешнему Бресту). Город Берестье к 1015 г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мерзебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было связано с прибытием печенегов, ведомых Борисом Владимировичем.

Летом 1017 г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наемных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Буг. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньей в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава, некий Буда начал насмехаться над польским князем, крича ему:

«Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!»⁷ По словам летописца, Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», — сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургского: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». То же говорят и русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Блуда (Буду).

Сам Ярослав с четырьмя дружинниками убежал в Новгород. Там он решил бежать в Швецию. Но новгородцы во главе с посадником Константином, сыном Добрыни «рассекли ладьи Ярослава, так говоря: «Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком». Начали деньги собирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и отдали им деньги, и собрал Ярослав воев многих».

Между тем бегство Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «До-

⁷ Тут стоит отметить любопытную деталь: здесь и далее русские и поляки ругаются и мирятся, понимая друг друга без переводчиков, что служит достоверным доказательством крайней близости древних русского и польского языков.

бывшись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

В начале августа 1018 г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и наемники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города, и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почетной.

14 августа союзники вошли в город. У собора Святой Софии (тогда еще деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

Польские хронисты утверждают, что князь Болеслав, вступив в завоеванный Киев, ударил мечом по Золотым воротам города. На вопрос, зачем он это сделал, Болеслав будто бы ответил «с язвительным смехом»: «Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так следующей ночью будет обесчещена сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесенная нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем».

В Великопольской хронике XIII–XIV веков говорится: «Говорят, что ангел вручил ему [Болеславу] меч, которым

он с помощью Бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами... Меч короля Болеслава... получил название «щербец», так как он, Болеслав, придя на Русь по внушению ангела, первый ударил им в Золотые ворота, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение».

В руки Болеслава попали все женщины из семьи Ярослава – его «мачеха» (видимо, последняя, неизвестная русским источникам, жена князя Владимира Святого), жена и девять сестер. Титмар пишет: «На одной из них, которой он и раньше добивался [Предславе], незаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав». В Софийской Первой летописи говорится более определенно: «Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю».

Между прочим, «мудрый» Ярослав еще до битвы на Буге отослал в Новгород захваченную в полон жену Ярополка. Болеслав взял Предславу к себе в наложницы, а позже увез ее с собой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Видимо, Болеслав нарушил условия капитуляции Киева и вскоре отдал город на разграбление. Разделив добычу, наемники саксонцы, венгры и печенегі отправились восвояси. Сам же Болеслав с частью польского войска остался в Кие-

ве, а остальная часть войска была размещена в ближайших городах. Польский князь явно не знал, что делать с Киевом. Он даже начал в Киеве чеканку серебряных монет, так называемых «русских денариев», с надписью кириллицей «Боле-слав».

Но польский князь понимал, что удерживать Киев дольше будет невозможно. Он попытался даже вступить в переговоры с Ярославом, находившимся в Новгороде, и послал туда киевского митрополита. Поводом для серьезных переговоров стал вопрос об обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену Ярослава. Однако Ярослав не желал мириться в такой ситуации с Болеславом, кроме того, у него были весьма веские причины желать, чтобы жена его сгинула в польском плену.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В Повести временных лет говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: «Сколько есть ляхов по городам, избивайте их». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго уговаривать не пришлось. Почти синхронно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными драгоценностями. Знатные русские пленники – бояре Ярослава, жены и сестры – были отправлены в Польшу, видимо, еще раньше. Болеславу удалось сохранить

за собой и Червенские города, приобретенные еще князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал чеканить собственную серебряную монету. А тем временем мудрый Ярослав счел себя холостым и послал сватов к шведскому конугу Олафу Шетконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с мудрым Ярославом. Ингигерд привела с собой в качестве приданого дружину, а Ярослав передал шведам город Ладогу с окрестными землями. Шведы называли Ладогу Альдейгъюборг, первым правителем ее стал шведский ярл Регнвальд Ульвссон. Вернуть Ладогу русским князьям удалось лишь во второй половине XI века.

В том же 1019 г. Ярослав двинулся с большой ратью на Киев. Согласно Устюжской летописи, у него было 40 тысяч человек, из них варягов 18 тысяч.

Святополк призвал на помощь печенегов, но в битве на реке Альте недалеко от Киева был разбит. Святополк в очередной раз бежал на запад, где и умер. Причем достоверных сведений о месте и времени его смерти нет. Тем не менее гражданская война на Руси с бегством «окаянного» Святополка не закончилась. Ярославу пришлось воевать еще с племянником Брячиславом Полоцким и братом Мстиславом Тмутараканьским.

В 1021 г. Ярославу удалось заключить мир с племянни-

ком. При этом он не только признал полную независимость Полоцкого княжества, но и уступил города Витебск и Усвят, где были стратегические волоки на пути «из варяг в греки». В 1025 г. Ярослав заключил мир с Мстиславом. Братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную сторону с Киевом.

В 1022 г. войска Ярослава приходили к Берестью, занятому поляками, однако удалось ли им взять город, летопись умалчивает.

В 1025 г. через несколько недель после своей коронации умирает Болеслав Храбрый. В Польше начинается усобица между Болеславичами – новым великим князем Мешко II и его братом Оттоном. В польские дела немедленно вмешиваются соседи – немцы и чехи. В ходе войны Оттон бежал к князю Ярославу Мудрому. Жить ему было приказано в Киеве, а не при дворе князя в Новгороде. В Киеве Оттон провел около шести лет. Оттуда он вступил в сношения с германским императором Конрадом, строя козни против брата. Все это, естественно, происходило с санкции Ярослава.

В 1030 г. Ярослав захватывает польский городок Белзы (Белз) на реке Жолокии, притоке Западного Буга (ныне на территории Львовской области). Согласно русской летописи, «в лето 6539 (1031) Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские опять, и повоевали Лядскую землю; и многих ляхов привели и разде-

лили их: Ярослав посадил своих по Роси⁸; и пребывают они там и до сего дня».

В войске Ярослава находилось немало варягов, в том числе Эйдив Регнвальдссон и Харальд. Позднее исландский скальд Тьодольв Арнорссон воспел этот поход и подвиги наемников варягов: «Воины задали жестокий урок ляхам» (в стихотворном переводе О. А. Смирницкой: «Изведал лях лихо и страх»).

Поход Ярослава и Мстислава на Польшу был синхронизирован с наступлением с запада императора Конрада. Мешко II не смог остановить немцев и русских и был вынужден бежать в Богемию к чешскому князю Олдржиху. На польском престоле утвердился Оттон. Он прежде всего выполнил все приказания императора: отказался от титула короля и отослал польскую корону в Германию вместе с женой Мешка Риксой, а себя объявил вассалом германского императора.

Такое поведение пришлось не по нраву польской знати, и вскоре Оттон был убит, а его место занял брат Мешко II. Но править ему пришлось недолго, в 1034 г. убили и Мешко. Его вдова Рикса, урожденная принцесса пфальцская, приняла опеку над своим малолетним сыном Казимиром. Рикса попыталась оттеснить от власти вельмож-поляков и править с помощью немцев. Дело кончилось переворотом и изгнанием Риксы в Германию.

⁸ Река к югу от Киева.

Править страной стали польские магнаты от имени малолетнего Казимира. Но дела у них явно не клеились, и в 1037 г. Польшу охватило восстание смердов. Причем восстание носило как антифеодальный, так и антицерковный характер, а большинство восставших были язычниками.

После похода 1031 г. Ярослав не вмешивался в польские дела, удовлетворившись присоединением к своим владениям «Червенских градов».

В 1039 г. в большей части Польши восстанавливается спокойствие, а власть прочно держит в руках сын Мешко II князь Казимир I Восстановитель (1016–1058). Казимир и Ярослав заключают союз в борьбе против Моислава – бывшего дружинника Мешко, захватившего власть в Мазовии. Моислава поддерживали пруссы, литовцы и поморские славяне. В 1041 г. Ярослав совершает поход в Мазовию. При чем войско его идет варяжским способом на лодках по рекам Припяти и Западному Бугу.

В 1043 г. Казимир женился на сестре Ярослава Мудрого Доброгневе (Марии), получив богатое приданое, а вместо вена он отдал Ярославу 800 пленных, взятых Болеславом на Руси. В 1047 г. Ярослав опять пошел с войском на помощь Казимиру против Моислава. На этот раз Моислав был убит, а рать его разбита, Мазовия снова подчинилась польскому князю.

Вскоре союз Руси и Польши скрепился еще одним браком – сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира. До са-

мой смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. с Польшей сохранялись добрососедские отношения.

В 1079 г. польские паны и духовенство согнали с престола польского короля Болеслава II Смелого (1042–1081, король с 1076 г.) а вместо него на престол был возведен его брат – слабый Владислав (Володислав) I Герман (1043–1102).

Как писал С. М. Соловьев, «Владислав вверился во всем палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владислава, Збигнева. В эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами уничтожил ее области»⁹.

Замечу, что Василько Ростиславович (1062–1124) был с 1085 г. удельным князем теребовльским.

В 1138 г. (по другим сведениям, в 1139 г.) умирает польский король Болеслав III Кривоустный (р. 1086 г., правил 1102–1138 гг.). После его смерти Польша окончательно вступила в период феодальной раздробленности. Свое юридическое оформление феодальная раздробленность получила в так называемом Статуте Болеслава Кривоустного, издан-

⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 369.

ном в 1138 г. Согласно этому Статуту Польское государство было разделено между сыновьями Болеслава III Старший сын – Владислав II (1105–1159) получил Силезию, Мешко (1126–1202) – большую часть Великой Польши с Познанью и часть Куявии, Болеслав Кудрявый (1121–1173) – Мазовию, а Генрих – Сандомирскую и Люблинскую земли. Статутом устанавливался принцип сеньората. Старший в роде получал верховную власть с титулом великого князя. Столицей его был Краков. Помимо собственного удела, он получал еще великокняжеский удел, в состав которого входили Краковская, Серадзская и Ленчицкая земли, часть Куявии с городом Крушвицей и часть Великой Польши с Калишем и Гнезно.

Старший Болеславович Владислав II по натуре слыл человеком кротким и миролюбивым. Полной противоположностью ему была его жена Агнесса – дочь австрийского герцога Леопольда. Немецкой принцессе казались дикими родовые отношения между князьями. Она не могла смириться с тем, что ее супруг только старший среди братьев. Агнесса язвительно называла мужем «полукнязем» и «полумужчиной» за то, что он терпел рядом с собой столько равноправных князей. И Владислав, не выдержав насмешек жены, поддался ее увещаниям и начал требовать дань с уделов братьев, забирать их города и даже намеревался изгнать их из Польши. Но вельможные паны встали на защиту младших братьев, и Владислав в 1142 г. был вынужден сам бежать в Германию.

Краковский престол перешел следующему по старшинству брату – Болеславу IV Кудрявому.

Русские князья вновь вмешались в польские усобицы. Тем более что великий князь Киевский Всеволод Ольгович (род. до 1094 г. – ум. 1146 г.) был в родстве с Владиславом II – дочь Всеволода Звенислава была замужем за старшим сыном Владислава Болеславом. В 1142 г. Всеволод послал своего сына Святослава, двоюродного брата Изяслава Давыдовича и Владимира Галицкого на помощь Владиславу II против его младших братьев. Но русские полки не спасли Владислава. Русский летописец повествует, что княжеские дружины больше занимались опустошением и разграблением Польши, чем усмирением младших братьев Болеславичей, «побравши в плен больше мирных, чем ратных людей».

Владислав еще надеялся с помощью русских или немцев вернуть себе польский престол, и в 1145 г. князь Игорь Ольгович (ок. 1096 г. – 1147 г., с 1146 г. великий князь Киевский) с братьями вновь отправляется в польские земли воевать младших братьев Болеславичей. Летописец говорит: «В середине земли Польской встретились они с Болеславом Кудрявым и братом его Мечеславом (Мешко). Польские князья не захотели биться, приехали к Игорю с поклоном и помирились на том, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владение, а Игорю с братьями дали город Визну, после чего русские князья возвратились домой и привели с собою большой полон».

С XII века особое значение в русско-польских отношениях приобретает Галицкое удельное княжество. В 1187 г. умирает галицкий князь Ярослав Владимирович Осмомысл. Перед смертью он обратился к боярам: «Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, а вот теперь приказываю свое место Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владимиру, даю Перемышль». Но Олег был сыном князя от наложницы Настасьи, которую в 1174 г. галицкие бояре сожгли на костре. Поэтому Олега сразу же после смерти отца изгнали из Галича, а на престол был посажен Владимир Ярославич (ок. 1151 г. – ок. 1198 г.). Но, увы, Владимир увлекался вином и бабами, по словам летописца, он «умел только пить, а не любил думы думать с своими боярами. Отнял у попа жену и стал жить с нею, прижил двоих сыновей. Мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно».

Встретившись с сильной боярской оппозицией, Владимир Ярославович решил не искушать судьбу и драпанул из родного Галича в Венгрию. Галичем же овладел соседний владими́ро-во́лыньский князь Роман Мстиславич (род. после 1149 г. – ум. 1205 г.).

Венгерский король Бела III радушно встретил изгнанника Владимира Ярославича, собрал большую рать и пошел на Галич. У Романа Мстиславича не было сил для сражения с венгерским войском, и он отправился обратно на Волынь. Однако хитрый Бела III обманул Владимира и поставил га-

лицким князем своего сына Андрея. Что же касается Владимира Ярославича, то его силой увезли в Венгрию и заточили в каменной башне.

В 1190 г. Владимиру удалось бежать из венгерской неволи. Вскоре он объявился при дворе германского императора Фридриха Барбаросса. Владимир предложил Фридриху выплачивать ежегодно по две тысячи гривен серебром, и тот отправил его при своем после к польскому князю Казимиру II Справедливому (1138–1194) с приказом, чтобы последний помог ему получить обратно галицкий престол. Казимир отправил с Владимиром своего воеводу Николая с войском. Когда галичане узнали о приближении своего бежавшего князя с польским войском, то вышли ему навстречу, провозгласили своим князем, а венгерского королевича Андрея изгнали.

В Польше после смерти Болеслава IV Кудрявого в 1173 г. великокняжеский престол перешел к следующему брату Мешко III. Но тот умудрился восстановить против себя вельможных панов, и вскоре был изгнан ими. Князем провозгласили самого младшего Болеславича – Казимира II Справедливого¹⁰. После смерти Казимира великим князем был избран его сын – несовершеннолетний Лешко Белый (1186–1227). Однако еще был жив отставной князь Мечеслав III, которого именовали Старым. Старый начал уобицу против племянника.

¹⁰ Четвертый Болеславич, Генрих, к тому времени умер.

В это время в Кракове объявился уже знакомый нам князь Роман Мстиславич, который приехал просить помощи в своей очередной усобице. И он надеялся эту помощь получить, поскольку вдова Казимира Справедливого Елена приходилась ему родной племянницей, она была дочерью его брата Всеволода Мстиславича Бельского. Казимировичи ответили: «Мы бы рады были тебе помочь, но обижают нас дядя Мешко (Мечеслав), ищет под нами волости. Прежде помоги ты нам, а когда будем все мы поляки за одним щитом, то пойдем мстить за твои обиды».

Роман был не один, а с дружиной, и отправился вместе с детьми Казимира на Мечеслава Старого. Тот не желал биться с дружиной Романа Мстиславича и попросил его быть посредником в споре между ним и племянниками. Но Роман все же напал на войско Мешко. В результате дружина его была разбита, а сам князь, раненый, убежал в Краков, откуда уцелевшие дружинники перенесли его домой – во Владимир Волынский.

Тем не менее союз с Казимировичами позже все-таки принес свои плоды Роману Мстиславичу. В 1198 г. умер галицкий князь Владимир Ярославич, и польские войска помогли Роману занять галицкий престол. Замечу, что теперь Роман сел в Галиче «всерьез и надолго» и стал основателем династии галицких королей.

Между тем власть в Кракове три раза переходила от Лешко Белого к Мешко. В конце концов, Мешко III вроде бы

твердо сел на престол, но в 1202 г. умер. Польские вельможи предложили престол Лешко, но не сговорились о цене и отдали его сыну Мешко Владиславу III Ласкононому (1161–1231). Вскоре Ласконогий поссорился с католическими прелатами и частью знати, и на престоле вновь оказался Лешко.

Князь Роман Мстиславич был постоянным союзником Лешко в его борьбе с Мешко и Ласконогим. Но когда Лешко основательно обосновался в Кракове, Роман потребовал у него волости в награду за прежнюю дружбу. Лешко отказал, в результате прежние союзники рассорились. По словам летописца, в ссоре этой не последнюю роль сыграл Владислав Ласконогий. В 1205 г. Роман Мстиславич осадил Люблин, но, узнав, что Лешко с братом Конрадом идут на него, снял осаду и двинулся им навстречу. Перейдя Вислу, галицкие полки стали под городом Завихвостом. Вскоре туда прибыли послы от Лешко и начали переговоры. Решено было приостановить военные действия до окончания переговоров. Роман Мстиславич с несколькими дружинниками спокойно отъехал на охоту, но в засаде его ждал большой польский отряд. Силы были неравны, и после короткого, но жестокого боя Роман Мстиславич и его дружинники были убиты.

Роман Мстиславич оставил после себя двух малолетних детей – четырехлетнего Даниила и двухлетнего Василько¹¹.

¹¹ Даниил Романович (1201–1264). Первая жена Анна, дочь Мстислава Мстиславича Удалого; вторая жена сестра литовского князя Товтивила. Василько Романович (1203–1269). Женат на Елене, дочери великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича. Вторая жена тоже Елена, дочь краковского князя Лешко

Галич представлял собой лакомый кусочек, и все соседи, как воронье, слетелись туда, узнав о смерти грозного Романа. В 1206 г. на Галич двинулось целое скопище русских князей: Владимир Святославич Чермный с братьями, Владимир Игоревич Северский с братьями, к ним присоединился смоленский князь Мстислав Романович с племянниками. До кучи набрали еще и половцев. В Киеве к компании присоединился Рюрик Ростиславич с сыновьями Ростиславом и Владимиром и племянниками. С другой стороны к Галичу шел с войском из Кракова князь Лешко.

Вдова Романа княгиня Анна испугалась и попросила помощи у венгерского короля Андрея II, сына Белы III, того самого Андрея, который, будучи королевичем, когда-то княжил в Галиче.

Тем временем галицкие бояре, ненавидевшие Романа и его потомство, подняли мятеж и вынудили вдову с детьми и приближенными бежать во Владимир Волынский.

Наконец все три рати подошли к Галичу, но до битвы не дошло. Андрею II надо было возвратиться домой из-за интриг королевы Гертруды, поэтому он наскоро договорился с Лешко сделать галицким князем Ярослава Переяславского, сына великого князя Всеволода Суздальского, и отправился назад в Венгрию.

Однако галицкие бояре обманом посадили князем Владимира Игоревича Северского (ок. 1170 г. – 1212 г.). Свое

правление Владимир Игоревич начал с того, что послал своих людей во Владимир Волынский с требованием выдать вдову и детей князя Романа. Анне вновь пришлось бежать ночью с двумя детьми, дядькой Мирославом, попом и кормилицей. Они долго думали, куда идти. Со всех сторон были только враги. Из всех зол беглецы выбрали меньшее, и, уповая на былую дружбу, направились в Польшу к Лешко, хотя князь Роман и был убит людьми Лешко, а мир с Польшей еще не был заключен. К счастью, Лешко сжалился над беглецами и встретил их словами: «Не знаю, как это случилось, сам дьявол поссорил нас с Романом». Он отправил малолетнего Даниила в Венгрию со своим послом, велев передать королю: «Я позабыл свою ссору с Романом, а тебе он был друг: вы клялись друг другу, что кто из вас останется в живых, тот будет заботиться о семействе умершего. Теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдем возвратим им отчину их».

Владимир Игоревич правил Галичем недолго. Он поссорился с галицкой дружиной и не придумал ничего лучшего, как попросту перебить ее. Однако убить удалось всего около пятисот человек, остальные разбежались. Многие из галицких дружинников и бояр отправились в Венгрию и стали просить короля Андрея: «Дай нам отчича нашего Даниила: мы пойдем с ним и отнимем Галич у Игоревичей». Король согласился, дал галицким боярам большое войско и вместе с Даниилом послал их в Галич. Лешко из Польши также направил отряд в помощь малолетнему Даниилу.

Владимир Игоревич с сыном не стали дожидаться прихода войска и бежали. Даниил торжественно въехал в Галич, и бояре посадили его на отцовский престол в соборной церкви Богородицы.

Трудности, с которыми встретился в Галиче юный князь, выходят за рамки нашего повествования.

В конце концов, Даниилу пришлось бежать, а Галицкое княжество поделили между собой венгерский король Андрей II и польский князь Лешко. В Галиче стал княжить сын Андрея королевич Коломан, которого по такому случаю женили на дочери Лешко Белого.

Молодой князь Даниил Романович начало 20-х годов XIII века встретил в небольшом, но сильно укрепленном городе Каменец, а к 1229 г. перебрался в Угровск. Здесь его и нашел посланец из Галича с просьбой галичан: «Ступай скорее к нам: Судислав ушел в Понизье, а королевич один остался в Галиче». Даниил немедленно с небольшой дружиной пошел на Галич, а своего тысяцкого Дамьяна послал на Судислава.

На третьи сутки в ночь подошел Даниил к Галичу и встал напротив города на другом берегу скованного льдом Днестра. Галичане и венгры несколько раз предпринимали вылазки и бились на льду с дружинниками Даниила. Но к вечеру потеплело, лед поднялся, и река наводнилась. А красно-рожий боярин Семьонко (летописец даже сравнивает его по цвету лица с лисицей), лютый враг Даниила, зажег мост. В

это время к Даниилу подошел Дамьян с перешедшими на их сторону галицкими боярами. Таким образом, у Романовича собралась уже довольно значительная рать. К счастью, подожженный мост через Днестр погас прежде, чем развалиться, и через него, хоть и с риском, но можно было переправиться.

На следующее утро даниилово войско перешло Днестр и окружило Галич. Осажденные вскоре сдали город, а королевича Коломана взял в плен сам Даниил. Но молодой князь уже был не только смелым воином, но и здравомыслящим политиком. Он решил не ссориться с венгерским королем и попросту отослал королевича к отцу.

Тем не менее Андрей II пришел в ярость, собрал войско и объявил поход. «Не станет в Галиче камень на камень, – говорил он, – никто уже теперь не избавит его от моей руки». Но как только венгерское войско достигло Карпат, начались проливные дожди, лошади тонули, люди спасались на высоких местах. Король упорно вел войско дальше, дошел до Галича и осадил его. Для защиты города Даниил оставил небольшую дружину под командованием Дамьяна. Воевода не сдавал города, а король вскоре был вынужден снять осаду и увести свое войско, потому что страшный недуг поразил его людей: «Кожа падала у венгров с ног, как обувь». Галичане нападали на отставших, убивали и брали в плен, а еще больше венгров умерло по дороге от этой жуткой болезни.

Венгры не унялись и попытались взять реванш в 1232 г. Однако кампании 1232 и 1233 гг. были выиграны Даниилом.

Между тем в Польше Владислав Ласконогий, уступив Краков Лешко Казимировичу, тихо жил в своем уделе. Однако вскоре на него напал племянник Владислав, сын Оттона, в русских летописях он фигурирует как Одонич. Вскоре эта усобица охватила всю Польшу. В 1227 г. Владислав Одонич нанес страшное поражение Ласконогому и занял почти все его владения. Тогда на помощь Ласконогому пришли князья Лешко Краковский, его брат Конрад Мазовецкий и Генрих Бреславский. Сторону Одонича принял его зять (брат жены) князь Святополк Поморский. Их объединенное войско неожиданно напало на князей – сторонников Ласконогого, в этом бою был убит Лешко Казимирович – номинальный правитель Польши.

Тогда брат Лешко Конрад призвал на помощь русских князей Даниила и Василька Романовичей – старых союзников покойного Лешко. Русские полки вместе с поляками осадили город Калиш. Даниил хотел взять город, но поляки отказались идти на штурм, несмотря на то, что Конрад, «любя русский бой», приказывал им идти вместе с Русью. Осажденные же, видя приготовления русских к приступу, послали к Конраду двоих послов для переговоров. Один из посланников, Пакослав, предложил Даниилу переодеться в его одежду и поехать с ним в Калиш для переговоров. Даниил сперва отказался, но брат Василько уговорил его: «Ступай, послушай их вече», поскольку один из посланников, Мстиуй, не вызывал доверия у Конрада.

Даниил, надев шлем Пакослава, поехал в Калиш и, встав там позади послов, слушал, что просят осажденные передать Конраду: «Скажите вот что великому князю Конраду, этот город не твой ли, и мы разве чужие, ваши же братья, что ж над нами не сжалитесь? Если нас Русь пленит, то какую славу Конрад получит? Если русская хоругвь станет на забралах, то кому честь доставишь? Не Романовичам ли одним? А свою честь унизишь! Нынче брату твоему служим, а завтра будем твои, не дай славы Руси, не погуби нашего города». Пакослав отвечал на это: «Конрад-то бы и рад вас помиловать, да Даниил очень лют, не хочет отойти прочь, не взявши города. Да вот он и сам стоит, поговорите с ним», – прибавил он, смеясь, и указывая на Даниила. Князь снял шлем, а калишане закричали ему: «Смилуйся, помирись». Романович от души посмеялся и хорошо поговорил с горожанами, потом взял двоих человек, привел их к Конраду и тот заключил с ними мир.

В этом походе русские захватили в полон много челяди и знатных боярынь. Но тут между Русью и Польшей был заключен договор, что если впредь случится между ними война, то полякам не пленять русской челяди, а русским – польской.

Князя Даниил и Василько Романовичи возвратились домой с честью и славой: как говорил русский летописец, ни один русский князь не входил так далеко в землю Польскую, кроме Владимира Великого, который землю крестил.

В ходе этой усобицы князь Конрад Мазовецкий совершил величайшую ошибку, за которую позже веками станут расплачиваться русский и польский народы. Он пригласил на территорию Польши рыцарей Тевтонского ордена. Наивный князь думал, что немцы защитят от набегов язычников – пруссов и литовцев.

В 1225 г. послы Конрада предложили магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальцу Хельмскую (Кульмскую) землю в обмен на обязательство защищать польский народ от набегов язычников. В 1226 г. германский император Фридрих II предоставил Ордену владение Кульмской землей и всеми землями, которые он впредь завоюет у пруссов, но в виде императорского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей. В 1228 г. в новые владения Ордена с большим отрядом рыцарей прибыл первый областной магистр Пруссии Герман Балк. В 1230 г. последовало окончательное утверждение всех условий с Конрадом, и Орден начал свою деятельность на новых землях.

О непосредственных столкновениях новых германских завоевателей с Русью до нас дошел лишь смутный рассказ летописца, датированный 1235 годом. По его словам, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», и пошел с братом на них в силе тяжкой, взял город, захватил в плен старшину Бруно, ратников и возвратился во Владимир».

На Руси же продолжались усобицы за обладание Галиц-

ким княжеством. Опуская подробности, скажу лишь, что на короткое время Галич захватил Михаил Черниговский, но в 1238 г. он был выбит оттуда Даниилом Романовичем.

Батыево нашествие выходит за рамки нашего исследования. Об этом рассказано во второй книге серии «Друзья и враги России. Золотая Орда».

Из-за татарского вторжения и возникновения Великого княжества Литовского официальные прямые контакты Польши с великим князем Владимирским, а затем с Москвой прервались в 1239 г. А в дальнейшем, если польские короли вели переговоры с Москвой, то формально они представляли только великого князя Литовского. Как заметил историк и дипломат Вильям Похлебкин: «... став вновь соседями через 330 лет, Польша и Русь обнаружили, что они представляют по отношению друг к другу совершенно чуждые, враждебные государства с диаметрально противоположными государственными интересами»¹². Об отношениях Руси с Великим княжеством Литовским и Прибалтикой будет рассказано в отдельной книге этой серии.

Поэтому я расскажу лишь о нескольких конфликтах поляков с Даниилом Галицким и его потомками.

С 1246 г. папа Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и с северными и южными русскими князьями. Так, в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому при-

¹² *Похлебкин В. В.* Внешняя политика, Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995. С. 391.

было чрезвычайное посольство от римского папы. Причем папское послание было датировано 8 февраля 1248 г. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил Романович, напротив, пошел на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу Прусскому и Эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совершать службу на заквашенных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька на своей родственнице, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время Крестовых походов прошло. Да и в XI–XII веках Крестовые походы организовывались с целью пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да еще со страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253–1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и др. с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV пред-

ложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь?» – велел ответить он папе.

В 1253 г., во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава, туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велел передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганных». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г.¹³ в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе (к этому времени на папском престоле уже

¹³ По другим источникам, это произошло в конце 1253 г.

сидел Александр IV), и не обращал внимания на его укоры и увещевания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV прекрасно понимали, что это пустые угрозы, просто «надо ведь было что-то сказать».

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

В 1264 г. умирает король Даниил. Королем становится его сын Лев, который управлял княжеством («королевствовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Василько по-прежнему княжил на Волыни.

В 1279 г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226–1279) – князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Черный, князь мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279–1288).

Глава 2

Московское царство и Речь Посполитая

В 1385 г. Польша и Литва заключили Кревскую унию. Эта уния была личной, то есть объединение двух государств не произошло, они лишь управлялись единым монархом, которым стал великий князь литовский Ягайло (после перехода в католичество Владислав I), женившийся на польской королеве Ядвиге.

Лишь в 1569 г. в результате Люблинской унии Литва и Польша слились в одно унитарное государство – Речь Посполитую, что означало на практике с внешнеполитической точки зрения для России переход всех литовских претензий к Польше.

Русско-польские отношения начались не с войны, а с мира. Весной 1570 г. в Москву прибыли большие литовские послы Ян Кротошевский и Николай Тавлош. На переговорах спорили о полоцких границах, и не пришли к согласию. Тогда послы, чтобы облегчить дело, попросили позволения переговорить с самим царем, поскольку считали, что ему особенно выгодно заключить мир. Царь Иван спросил, почему, и послы ответили: «Рады государя нашего Короны Польской и Великого княжества Литовского советовались вместе

о том, что у государя нашего детей нет, и если господь бог государя нашего с этого света возьмет, то обе рады не думают, что им государя себе взять от бусурманских или от иных земель, а желают избрать себе государя от славянского рода, по воле, а не в неволю, и склоняются к тебе, великому государю, и к твоему потомству».

Царь отвечал: «И прежде эти слухи у нас были. У нас божьим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего для чего хотеть? Но если вы нас хотите, то вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим с вами говорить, чтоб христианство было в покое».

Далее царь в длинной речи, занявшей 44 страницы в польской книге, рассказал послам по порядку историю отношений Москвы и Литвы в его царствование и заключил, что война не от него, а от короля. Когда Иван закончил говорить, послы заявили, что не все поняли, поскольку многих русских слов не знают, и попросили дать им эту речь в письменном виде. Иван ответил, что писарь их все слышал и все понял, и может им пересказать. Писарь испугался и сказал: «Милостивый государь! Таких великих дел запомнить невозможно: твой государский от бога дарованный разум выше человеческого разума».

22 июня 1570 г. в Москве послы подписали перемирие сроком на три года с момента ратификации в Варшаве, то есть со 2 мая 1571 г. По его условиям обе стороны должны

были владеть тем, что контролировали на данный момент.

Сразу же после смерти короля Сигизмунда в 1572 г. польские и литовские паны развили бурную деятельность в поисках нового короля. Неожиданно среди претендентов на польский престол оказался царевич Федор, сын Иван Грозного. Напомню, что царевичу тогда было 15 лет, наследником престола числился его старший брат Иван (убит он будет лишь в 1581 г.).

Движение в пользу московского царевича возникло как сверху, так и снизу, независимо друг от друга. Ряд источников говорит о том, что этого желало православное население Малой и Белой Руси. Аргументом панов – сторонников Федора было сходство польского и русского языков и обычаев. Замечу, что тогда языки различались крайне мало.

Другим аргументом было наличие общих врагов Польши и Москвы – немцев, шведов, крымских татар и турок. Сторонники Федора постоянно приводили пример великого князя литовского Ягайло, который, будучи избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Пример того же Ягайло заставлял надеяться, что новый король будет больше жить в Польше, чем в Москве, поскольку северные жители всегда стремятся к южным странам. Стремление же расширить и сберечь свои владения на юго-западе, в стороне Турции или Германской империи, также заставит короля жить в Польше. Ягайло в свое время клятвенно обязался не нарушать законов польской шляхты,

то же мог сделать и московский царевич.

Паны-католики надеялись, что Федор примет католичество, а паны-протестанты вообще предпочитали православного короля королю-католику.

Главным же аргументом в пользу царевича были, естественно, деньги. Жадность панов и тогда, и в годы Смутного времени была патологическая. О богатстве же московских великих князей в Польше, да и во всей Европе ходили фантастические слухи.

Дав знать царю Ивану через гонца Воропая о смерти Сигизмунда II Августа, польская и литовская Рада тут же объявили ему о своем желании видеть царевича Федора королем польским и великим князем Литовским. Иван ответил Воропаю длинной речью, в которой предложил в качестве короля... себя самого.

Сразу возникло много проблем, например, как делить Ливонию. Ляхи не хотели иметь Грозного царя королем, а предпочитали подростка Федора. В Польшу и Литву просочились сведения о слабоумии царевича и т. д. Главной же причиной срыва избирательной кампании Федора Ивановича были, естественно, деньги. Радные паны требовали огромные суммы у Ивана IV, не давая никаких гарантий. Царь и дьяки предлагали на таких условиях сумму в несколько раз меньшую. Короче, не сошлись в цене.

А тем временем французский посол Монлюк предложил радным панам кандидатуру Генриха Анжуйского, брата

французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Довольно быстро образовалась французская партия, во главе которой стал староста¹⁴ бельский Ян Замоиский. При подсчете голосов на сейме большинство было за Генриха. Монлюк поспешил присягнуть за него в сохранении условий, знаменитых «Pacta Conventa». Протестанты были против короля – брата Карла IX. Они боялись повторения Варфоломеевской ночи в Кракове или Варшаве, но Монлюк успокоил их, дав за Генриха присягу в охранении всех прав и вольностей.

В августе 1573 г. двадцать польских послов в сопровождении 150 человек шляхты приехали в Париж за Генрихом. Стали обсуждать условия: поляки потребовали, чтобы не только Генрих подтвердил права польских протестантов, но чтоб и французские гугеноты получили свободу вероисповедания, как обещал полякам Монлюк. С большим трудом королю Карлу IX и папскому нунцию Лавро удалось убедить польскую делегацию отказаться от последнего требования, но польским протестантам были обещаны права в полном объеме. Этот пример хорошо иллюстрирует силу протестантов и атмосферу веротерпимости в Польше в конце 1573 г.

В начале 1574 г. двадцатитрехлетний принц прибыл в Польшу и стал королем. Во Франции ему не приходилось заниматься какими-либо государственными делами, он не знал ни польского, ни даже латинского языка. Новый король

¹⁴ Староста управлял городом, творил суд над местной шляхтой.

проводил ночи напролет в пьяных пирушках и за карточной игрой с французами из своей свиты.

Внезапно прибыл гонец из Парижа, сообщив королю о смерти его брата Карла IX 31 мая 1574 г. и о требовании матери (Марии Медичи) срочно возвращаться во Францию. Поляки своевременно узнали о случившемся и предложили Генриху обратиться к сейму дать согласие на отъезд. Что такое польский сейм, Генрих уже имел кой-какое представление, и счел за лучшее ночью тайно бежать из Кракова.

К бардаку в Речи Посполитой все давно привыкли, но чтобы король смылся с престола – такого еще не бывало. Радные паны чесали жирные затылки: объявлять ли бескорольеве или нет? Решили бескорольеве не объявлять, но дать знать Генриху, что если он через девять месяцев не вернется в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В Москву были отправлены послы от имени Генриха с известием о восшествии его на престол и об отъезде его во Францию, причем будто бы он поручил радным панам сноситься с иностранными государствами.

Генрих, естественно, возвращаться в Польшу не пожелал, а взошел на французский трон под именем Генриха III. Ряд панов вновь предложили кандидатуру царевича Федора, и опять с царем Иваном не сошлись в цене.

В 1575 г. в Варшаву прибыли послы Священной Римской империи. Император Максимилиан предложил в польские короли своего брата эрцгерцога Фердинанда и обещал, что

Фердинанд будет вносить в Польшу большую часть своих доходов, а именно 150 тысяч талеров ежегодно, и еще 50 тысяч талеров на ремонт старых и постройку новых пограничных крепостей, приведет с собой сильные полки немецкой пехоты для отражения неприятелей.

Еще в 1574 г., после бегства Генриха, турецкий султан прислал грамоту с требованием, чтобы поляки не выбирали австрийца, который обязательно вовлечет их в войну с Портой. Султан предлагал полякам выбрать кого-нибудь из своих, например сендомирского воеводу Яна Костку, а если уж поляки хотят выбрать короля из чужих, то тогда шведского короля или седмиградского князя Стефана Батория. Шведы предлагали полякам своего короля Иоанна III или его сына Сигизмунда, а на худой конец сестру покойного польского короля Анну. Замечу, что сам шведский король был женат на другой дочери Сигизмунда II Екатерине.

В ноябре 1575 г. открылся избирательный сейм. 12 декабря австрийская партия, состоявшая в основном из польских вельмож, провозгласила королем императора Максимилиана, а 14 декабря шляхта провозгласила королевну Анну с условием, что она выйдет замуж за Стефана Батория. У австрийской стороны были все шансы выиграть, поскольку Литва и Пруссия также поддерживали кандидатуру Максимилиана. Однако когда польские послы приехали к императору Максимилиану, тот стал выдвигать новые условия, не удовлетворившие поляков.

Между тем Баторий с войском вошел в польские пределы, 18 апреля 1576 г. торжественно въехал в Краков и уже 1 мая короновался.

Летом 1579 г. Стефан Баторий осадил Полоцк. 30 августа 1579 г. русские воеводы, исчерпав все возможности для обороны, сдали город.

18 августа 1581 г. Стефан Баторий с 47-тысячным войском осадил Псков. 26 августа к городу подошли основные силы поляков¹⁵ во главе со Стефаном Баторием. Король приказал поставить свой шатер недалеко от стен Пскова на московской дороге у церкви Николы Чудотворца.

Как говорилось в «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»: «Государевы же бояре и воеводы не велели стрелять по шатрам днем, но все орудия для этого велели днем приготовить. Когда же были поставлены многие шатры и наступила ночь, приблизительно часу в третьем, повелели ударить по ним из больших орудий. Наутро же не увидели ни одного шатра, и, как рассказывали языки, многие знатные паны были тут убиты»¹⁶. Есть сведения, что король сказал по этому поводу: «В Литве нет ни одной такой пищали, которая бы так далеко стреляла!»

Штурмы Пскова 8 сентября и 2 ноября не удались. После

¹⁵ Здесь и далее для удобства читателя вместо войска Речи Посполитой, состоявшего из поляков, литовцев и русских, я буду говорить «польское войско» или «поляки».

¹⁶ Воинские повести древней Руси / Сост. Н. В. Понырko. Л.: Лениздат, 1985. С. 364.

2 ноября поляки заметно приуныли, дисциплина упала, и королевское войско проспало или, вернее, проспр... стрелецкий полк Федора Мясоедова. Не только стрельцы, но и многочисленный обоз с продовольствием проследовал без единого выстрела через позиции осаждающих. Поляки заметили отряд, лишь когда арьергард стрельцов проходил через городские ворота.

В 3 часа ночи 6 ноября польские войска начали тихо отволакивать осадные орудия из туров и траншей. К рассвету укрепления осаждающих были пусты.

Теперь Баторию ничего не оставалось делать, как мириться.

13 декабря 1581 г. в деревню Запольной Ям съехались польские и русские послы.

Замечу, что, приехав в Запольной Ям, послы убедились, что деревня в основном была сожжена, и им пришлось отправиться в деревню Киверова Гора в 15 верстах от Запольного Яма. Переговоры шли бурно, и об изменении места переговоров в документах не упомянули, поэтому в историю договор 1582 г. вошел по имени сгоревшей деревни, а с легкой руки историка С. М. Соловьева ее переименовали из Ям Запольной в Ям Запольский. Поэтому в советских учебниках истории писали, что 6 января 1582 г. был заключен русско-польский *Запольский* мирный договор. Что он не Запольский, а Запольный, мы уже знаем, и был это не мирный договор, а всего лишь перемирие сроком на десять лет.

Согласно условиям перемирия Россия отказывалась в пользу Речи Посполитой от всех своих владений в Прибалтике и от владений своих вассалов и союзников: от Курляндии, уступая ее Польше; от 40 городов в Ливонии, переходящих к Польше; от города Полоцка с поветом (уездом); от города Велижа с округой. Речь Посполитая возвращала царю захваченные в течение последней войны псковские коренные земли: «пригороды» Пскова (то есть города Псковской земли – Опочку, Порхов и др., попавшие в зону военных действий); Великие Луки, Невель, Холм, Себеж – исконные новгородские и тверские земли, захваченные в ходе последней трехлетней войны.

В русском экземпляре договора за царем сохранялся титул «царя», то есть императора (цесаря), в польском варианте он не упоминался. В русском экземпляре царь именовался также «властитель Ливонский и Смоленский», а в польском «властителем Ливонским» именовался польский король, а титул «Смоленский» не принадлежал никому.

5 октября 1582 г. произошло крайне неприятное как для историков, так и для читателей событие – папа Григорий XII заменил старый юлианский календарь на новый, позже получивший название григорианский. 5 октября 1582 г. по приказу папы велено было считать 15 октября. Естественно, что царю Ивану римский папа был не указчик, и в России остался юлианский календарь, или, как его у нас называли, старый стиль.

В XVI и XVII веках разница в старом и носом стилях составляла 10 дней, а далее с каждым веком увеличивалась на один день.

Глава 3

Сигизмунд III и Брестская уния

2 (12) декабря 1586 г.¹⁷ умер Стефан Баторий. 20 декабря об этом стало известно в Москве. Недавний опыт показал, как важно было для Москвы избрание короля в Польше. Поэтому Борис Годунов и другие бояре решили выставить кандидатуру царя Федора (1557–1598) и активно участвовать в избирательной кампании.

Конкурентами царя Федора стали эрцгерцог Максимилиан Австрийский и наследный принц Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна III.

9 (19) августа 1587 г. группа панов – сторонников Яна Замойского – провозгласила королем Сигизмунда. Конкурирующий клан Зборовских в свою очередь объявил королем эрцгерцога Максимилиана. Любопытно, что литовские паны не участвовали в избрании обоих «королей», а направили своих представителей к русским послам и напрямую потребовали, чтобы царь Федор заявил о переходе в католичество, и чтобы им немедленно было выдано для начала 100 тысяч рублей наличными. Послы сказали, что на это ответ уже дан, и другого ответа не будет.

Оба новоизбранных короля поспешили ввести в Польшу

¹⁷ Дата по юлианскому, а в скобках – по григорианскому календарю.

по «ограниченному контингенту» своих войск. Максимилиан с австрийцами осадил Краков, но штурм был отбит. Между тем с севера со шведским войском уже шел Сигизмунд. Население столицы предпочло открыть ворота шведам. Сигизмунд мирно занял Краков и немедленно там короновался (27 декабря 1587 г.). Замечу, что, присягая, Сигизмунд III повторил все обязательства предшествующих королей в отношении диссидентов.

Тем временем коронный гетман Ян Замойский со своими сторонниками дал сражение Максимилиану при Бычике в Силезии. Австрийцы были разбиты, а сам эрцгерцог взят в плен. В начале 1590 г. поляки освободили Максимилиана с обязательством не претендовать более на польскую корону. За него поручился брат – император Священной Римской империи.

Но, в отличие от прежних королей Польши, Сигизмунд был фанатичным католиком. На его убеждения повлияла и мать – убежденная католичка, и реформация в Швеции.

Взойдя на престол, Сигизмунд III немедленно приступил к гонениям на диссидентов (то есть некатоликов). В 1577 г. знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви божией и о греческом от сего единства отступлении». Две первые части книги посвящались догматическим и историческим исследованиям о разделении церкви, в третьей части содержались обличения русского духовенства и конкретные рекомендации польским властям по борьбе с право-

славием. Любопытно, что в своей книге Скарга именует всех православных подданных Речи Посполитой просто «русскими».

Скарга предложил ввести унию, для которой нужно только три вещи: во-первых, чтобы митрополит Киевский принимал благословение не от патриарха, а от папы; во-вторых, чтобы каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римской церковью; и, в-третьих, чтобы каждый русский признавал верховную власть Рима. Что же касается церковных обрядов, то они остаются прежними. Эту книгу Скарга перепечатал в 1590 г. с посвящением королю Сигизмунду III. При чем и Скарга, и другие иезуиты указывали на унию как на «переходное состояние, необходимое для упорных в своей вере русских».

В книге Скарги и в других писаниях иезуитов средством для введения унии предлагались решительные действия светских властей против русских.

Сигизмунд III твердо поддержал идею унии. Православные церкви в Речи Посполитой были организационно ослаблены. Ряд православных иерархов поддался на посулы короля и католической церкви.

24 июня 1594 г. в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью. Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 г. акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две

неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и магнатов, отказалось принять унию.

29 мая 1596 г. Сигизмунд III издал манифест для своих православных подданных о совершившемся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя.

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам.

Православные шляхтичи во главе с князем К. К. Острожским и протестанты во главе с виленским воеводой Криштофом Радзивиллом решили бороться с унией старым легальным способом – через сеймы. Но католическое большинство при сильной поддержке короля на сеймах 1596 г. и 1597 г. сорвало все попытки диссидентов отменить унию. В итоге к уже существующей межконфессиональной розни добавился и конфликт между униатами и православными. Да и вообще, Сигизмунд был человеком из другого мира, чуждый не только своим русским подданным, но и польским панам. Он носил бородку клином, как его современник, жестокий и подозрительный испанский король Филипп, с которого Сигизмунд во многом брал пример. Вместо простого кафтана и высоких сапог, какие носил Баторий и другие польские короли, Сигизмунд одевался в утонченные западные одежды, в чулки и туфли.

В ноябре 1592 г. умер шведский король Иоанн III. Си-

гизмунд III отпросился на год у сейма, чтобы уладить свои наследственные дела. Он короновался шведской короной в Упсале. Побыв несколько месяцев в Швеции, Сигизмунд отправился в Польшу, поручив управление страной регенту – своему дяде Карлу Зюдерманландскому (1530–1611).

На родине Сигизмунд популярностью явно не пользовался. Масла в огонь подлила и женитьба Сигизмунда на католичке австрийской принцессе. С отъездом Сигизмунда в Польшу власть в Швеции постепенно стала переходить к его дяде герцогу Карлу Зюдерманландскому. В 1594 г. он официально был объявлен правителем государства.

В ответ Сигизмунд собрал польские войска и начал боевые действия со Швецией. Он высадился непосредственно на территории Швеции, но в 1597 г. был наголову разбит в битве при Стонгебру. Одновременно начались и боевые действия в Эстляндии, которые шли до 1608 г. с переменным успехом.

Сигизмунд III успел поссориться и с запорожскими казаками. На сейме 1590 г. король потребовал ограничить число казаков шестью тысячами человек, подчинить их коронному гетману, воспретить продажу простонародью пороха, свинца и оружия в Киевской земле и т. д.

Ответом стало первое большое казачье восстание. Его возглавил православный шляхтич Кристоф Косинский. 19 декабря 1591 г. казаки взяли Белоцерковский замок. Вслед за Белой Церковью восставшие заняли Триполье, а

немного позднее – Переяслав (на левом берегу Днепра). В июне 1592 г. казаки осадили Киев, но взять его не смогли.

23 января 1593 г. под местечком Пятка вблизи города Чуднова казаки Косинского встретились с польским войском под началом Константина Острожского. Сражение длилось целую неделю и закончилось подписанием мирного соглашения.

Но вскоре боевые действия возобновились. Сейм 1593 г. постановил «считать казаков врагами отечества». В конце лета того же года на мирных переговорах в городе Черкассы Косинский был предательски убит слугой князя Александра Вишневецкого. Тем не менее при заключении мира панам пришлось пойти на уступки казакам.

Но гибель Косинского стала не концом, а началом казацких войн. 5 октября 1594 г. казаки Северина Наливайко вместе с брацлавскими мещанами напали на шляхту, съехавшуюся в Брацлав, и перебили ее. История Северина Наливайко сходна с историей Богдана Хмельницкого. Его отец имел хутор в Гусятине недалеко от города Острога. Поляк пан Калиновский решил купить землю у старого Наливайко. Получив отказ, поляк до смерти забил старика. Его сын стал казацким артиллеристом (пушкарем), а затем и атаманом. Надо ли говорить, что Северин помнил отца, и пан Калиновский стал одной из первых жертв восстания.

В ноябре 1594 г. повстанцы взяли города Бар и Винницу. На Волыни повстанческое войско весной 1595 г. разделилось

на две части. Одна во главе с Наливайко двинулась на запад, на Луцк, а потом повернула на северо-восток, на Могилев, а другая часть во главе со старшиной Григорием Лободой пошла на юго-восток в направлении Черкасс.

Летом 1595 г. повстанцы Наливайко контролировали всю Малую Русь, за исключением Минска, где засел гетман Криштоф Радзивилл.

Отряд Лободы действовал довольно вяло. Лобода весной 1595 г. вступил в переговоры с поляками и фактически бездействовал.

Вскоре Радзивилл получил подкрепление и сумел выбить Наливайко из Могилева. Казаки в полном порядке совершили обратный марш через Рогачев и Туров на Волынь.

В марте 1596 г. отряды Наливайко и Лободы соединились. Вскоре Лобода был отстранен от командования, и его место занял Матвей Шаула. 23 марта гетман Станислав Жолкевский атаковал повстанцев у урочища Красный Камень. Обе стороны понесли тяжелые потери, Шауле ядром оторвало руку, был ранен и сам Наливайко. Ночью повстанцы отошли к Триполью, а затем к Киеву. Жолкевский из-за больших потерь не решился преследовать их, а отошел к Белой Церкви. Там гетман написал письмо к сейму, в котором срочно просил помощи, утверждая, что вся земля «оказалась».

В мае 1596 г. Жолкевский, получив подкрепление, осадил лагерь повстанцев в урочище Солоница, недалеко от Лубен. Казаки с трех сторон укрепили лагерь возами, поставленными

ми в четыре-пять рядов, обнесли его рвом и высоким валом. С четвертой стороны к лагерю прилегало непроходимое болото. В нескольких местах лагеря были построены срубы, заполненные землей, на них казаки поставили около 30 пушек.

Жолкевский, имевший 5 тысяч одних только жолнеров, не считая шляхетских отрядов и магнатских команд, не решился на штурм. Он понимал, что имеет дело с людьми, по его же словам, отважными, принявшими «в своем положении» решение сражаться насмерть. И вместо штурма поляки подкупили нескольких предателей, которые в ночь на 24 мая схватили Наливайко и Шаулу и выдали полякам. Они же и пропустили поляков в лагерь. Началась страшная резня, паны и жолнеры убивали всех, кто попадался под руку. Очевидец И. Бельский писал, что «на протяжении мили или больше труп лежал на трупе, ибо всего в лагере с чернью и с жёнами их было до десяти тысяч».

Наливайко был привезен в Варшаву, где после долгих недель пыток его казнили 11 апреля 1597 г.

Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Сигизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь во-

прос стоял по-другому – быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Одним из указов Сигизмунда III Польша получила новый герб. По краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т. д.

Претензии Сигизмунда стали идеологией панства на 500 с лишним лет. Итак, Польша должна была стать сильнейшим государством не только Европы, но и всего мира.

Раздел II

Как ляхи завезли в Россию смуту

Глава 1

Паны идут на Москву

В начале 1602 г. русско-литовскую границу пересекли трое нищенствующих монахов. На них никто не обратил внимания, а между тем этот день, кстати, так и не установленный историками, стал днем начала Великой смуты на Руси и днем начала русско-польского антагонизма, длящегося уже четыре с лишним века.

Скромный инок Григорий, в миру Юрий Отрепьев, бежавший из кремлевского Чудова монастыря, отделился от монахов-попутчиков и отправился в город Брачин к православному владетельному князю Адаму Вишневецкому. Там инок объявил, что он не кто иной, как царевич Димитрий, который не закололся в Угличе в 1591 г., а был чудесным образом спасен неизвестными лицами.

По одним сведениям, это был трюк со смертельной болезнью и исповедью на смертном одре. По другой версии, Отрепьев помогал князю мыться в бане и получил плюху за небрежность. Тогда оскорбленный «царевич» воскликнул:

«Князь, вы не знаете, кого бьете!» – и показал дорогой крест, якобы возложенный на него при крещении крестным отцом князем Мстиславским.

Адам Вишневецкий признал Отрепьева царевичем. При чем главную роль сыграла не доверчивость князя, а его территориальные споры с Московским государством. В конце XVI века семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье.

В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий плевал равно как на Краков, так и на Москву, продолжая захват спорных земель. Самые крупные инциденты случились на Северщине, из-за городков Прилуки и Сиетино. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище осваивают». В конце концов, в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убиты и ранены.

Вооруженные стычки из-за спорных земель могли привести и к более крупному военному столкновению. Именно эта перспектива и привела Отрепьева в Брачин. По планам Гришки, Вишневецкий должен помочь ему втянуть в воен-

ные действия против Московского государства татар и запорожцев.

Царь Борис обещал князю Вишневецкому щедрую награду за выдачу «вора», но получил отказ. И Вишневецкий, опасаясь того, что Борис применит силу, отвез Отрепьева подалее от границы в городок Вишневец.

7 октября 1603 г. Адам Вишневецкий пишет коронному гетману и великому канцлеру Польши Яну Замойскому о появлении царевича Димитрия, и бродяга становится для панов законным претендентом на престол.

Узнав от Адама Вишневецкого о появлении самозванца, канцлер Замойский посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить и самого москвитянина либо к королю, либо к нему гетмана.

1 ноября 1603 г. польский король Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его о появлении в имении Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Димитрием и намеревается вернуть себе престол с помощью казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти Отрепьева в Краков и представить подробное донесение о его личности.

Адам Вишневецкий исполнил приказ царя относительно доклада и переслал в Краков подробную запись рассказов Отрепьева. Но переписка с Замойским убедила его в том, что король не склонен поддерживать самозванческую интригу, и поэтому Вишневецкий не спешил передавать самозванца

королю.

Дело в том, что и король Сигизмунд III, и канцлер Замойский оказались в крайне сложном положении. С одной стороны, им не хотелось нарушать мир и затевать большую войну с Москвой. (Не надо забывать о шведской угрозе с севера и личных счетах Сигизмунда с дядей Карлом.) С другой стороны, король и канцлер были не прочь устроить смуту в России и серьезно ослабить ее. С третьей стороны, король боялся, что в случае успеха похода самозванца за счет ограбления России и присоединения русских земель укрепитя позиция магнатов и, соответственно, ослабнет королевская власть. Наконец, была вероятность и провала вторжения на Русь, после чего буйные паны, запорожские казаки и всякий сброд могут начать рокош в самой Польше или в Малороссии.

Адам Вишневецкий предпочел бы действовать с согласия короля и канцлера, но был готов затеять войну и без них. Адам публично в присутствии послов крымского хана заявил, что он в отличие от короля не связан присягой о мире с царем Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором с Россией. В январе 1604 г. Вишневецкий начал собирать войска в своей вотчине в Лубнах на реке Суле.

Но вскоре между Лжедмитрием и Вишневецким возникли серьезные разногласия. Вишневецкий не собирался идти на Москву, да и сил для этого у него было мало. Он собирался вести «частную» войну с московскими воеводами на ма-

лороссийских землях. Целью «частной» войны Вишневецкого был захват нескольких городков, контролируемых Москвой, а затем – заключение выгодного мира с царем Борисом. Не исключено, что на мирных переговорах голова Отрепьева стала бы разменной монетой. Самозванца, естественно, такие планы князя Адама не устраивали, к тому же у него к началу 1604 г. появились и другие покровители.

Дело в том, что Константин Вишневецкий (двоюродный брат Адама Вишневецкого) познакомил Лжедмитрия со своим тестем сандомирским воеводой Юрием Мнишком. Проходимец и авантюрист Мнишек буквально ухватился за самозванца. В дело пошла и дочь Мнишка Марина. О пылкой взаимной страсти Лжедмитрия и Марины писали все кому не лень, от Шиллера до Пушкина. Поэтому на семействе Мнишков мне придется остановиться подробнее.

Начну с того, что Марина была не польской, а чешской девой. Мнишки, чехи по происхождению, в Польшу поселились недавно. Отец Юрия Николай Мнишек переехал в Польшу из Моравии где-то в 1540 г. Родовое имя Мнишков нашло сомнительную славу в хрониках Священной Римской империи, но носитель его принес с собой большое состояние, нажитое им на службе у короля Фердинанда¹⁸.

На дошедших до нас портретах мы видим, что Мари-

¹⁸ Фердинанд I Габсбург – младший брат императора Священной Римской империи Карла V, король Богемии с 1526 г., император Священной Римской империи в 1558–1564 гг.

на не обладала ни особой красотой, ни женским обаянием, несмотря на то, что живописцы, щедро оплачиваемые Мнишком, постарались приукрасить ее внешность. Даже на парадном портрете будущая московская царица выглядела не сильно привлекательно: лицо вытянутое, слишком длинный нос, губы тонкие, жидкие черные волосы. Ко всему прочему Марина была низкорослая и тщедушная. Все это мало соответствовало тогдашнему идеалу красоты. Но не надо сбрасывать со счетов и субъективный фактор. То, что оставило бы безразличным современника Гришки мушкетера Арамиса, могло вызвать восторг у беглого монашка, впервые увидевшего совсем рядом знатную шляхтянку, да с непокрытыми волосами, ведь на Руси он мог видеть боярышень только издалека. Не будем забывать, что не только боярыни, но и даже московские царицы никогда не бывали на торжественных церемониях и на пирах вместе с мужчинами. Вспомним, как через сто лет молодой Петр увлекся первой же встреченной в Немецкой слободе иностранкой Анной Монс.

Поэтому трудно отделить страсть от расчета в отношениях этой «сладкой парочки» – Лжедмитрия и Марины. Лакмусовой бумажкой в их романе могут стать все брачные договоры, заключенные Мнишками с самозванцем. Одуревшие от жадности Юрий и Марина требовали много, а Григорий покорно на все соглашался. При этом он прекрасно знал, что выполнение хоть половины условий Мнишковых стоило бы головы не только ему, но и самому законному московскому ца-

рю, тому же Федору Иоанновичу или даже Ивану Грозному.

В ноябре 1603 г. король Сигизмунд изъявил желание видеть Димитрия в Кракове. В это время в польских верхах шла борьба двух партий. Против поддержки самозванца решительно выступали наиболее умные политики и военачальники. Среди них были Ян Замойский, Константин Острожский, Ян Кароль Ходкевич, браславский воевода Збаражский и другие. Хотя, согласно конституции, король должен был принять мнение Замойского и Ходкевича, у него были и другие, менее официальные, но более желанные для него советчики. Они принадлежали к второстепенным личностям в стране. Это были придворные авантюристы, такие как Андрей Бобола, Бернард Мациевский и Сигизмунд Мышковский, или наемные иностранцы, как немец Врадер и итальянец де ля Кола, и, наконец, главная придворная дама королевства Урсула Гингер. Этот маленький мирок, легко доступный всяким интригам, находился вместе с самим королем под сильным влиянием иезуитов и, в частности, под влиянием духовника короля отца Барча. А между тем отцов-иезуитов уже насторожили известия, приходившие из Самбора.

Настоящий или самозванный, но обращенный в католичество царевич мог сесть на московский престол, а следом за ним в Россию смогли бы проникнуть и члены общества иезуитов. Чисто личные соображения побуждали к тому же и короля Сигизмунда. Будучи ревностным католиком, он готов

был, кажется, пожертвовать Польшей, чтобы только ввести в католицизм Московское государство. Недавно он потерял свое наследие в Швеции, и эта страна в равной мере волновала его как своими политическими, так и близкими его сердцу религиозными интересами.

В феврале 1604 г. король официально обратился к сейму, прося его высказаться по поводу претендента на русский престол. По двум наиболее существенным вопросам – о подлинности Димитрия и о предполагаемом участии Польши в его предприятии – король почти единогласно получил отрицательный ответ. «За» были только краковский воевода Николай Зебржидовский и гнезенский архиепископ прелат Ян Тарковский.

Тем не менее в первых числах марта 1604 г. Мнишек и Лжедмитрий объявились в Кракове. С самого начала Мнишек показал себя отличным политиком. Он начал с того, что устроил большой пир, куда пригласил и членов сейма. Естественно, что центральное место на пиру занимал Лжедмитрий. Претендент появился со свитой из нескольких «знатных москвитов». На деле это были бродяги, бежавшие из России, или казаки. Но пьяные паны не особенно разбирались в этом, главное, что свита оказывала почти царские почести претенденту. Замечу, что с самого начала Отрепьеву большую поддержку оказывал Лев Сапега, который, однако, старался оставаться в тени.

Вскоре Сигизмунд III сделал решительный шаг – 15 мар-

та претенденту была назначена аудиенция. Представ перед королем, Лжедмитрий произнес напыщенную речь, пестрящую многочисленными латинскими изречениями, риторическими фигурами и сравнениями, в которых более или менее удачно приводились подобные случаи из истории и преданий. В своем ответе Сигизмунд, связанный мнением сейма, дал понять, что он не признает Димитрия, не даст ему ни одного солдата и не нарушит перемирия, заключенного с царем Борисом, но он все это позволит Мнишку и даже будет тайно поддерживать это предприятие.

Для начала, сразу же после аудиенции, Лжедмитрия осыпали подарками, назначили ему ежегодное содержание в четыре тысячи флоринов, правда, из доходов Самборской экономики, что вряд ли понравилось Мнишку. Кроме того, король взял на себя некоторую долю расходов для дальнейшего пребывания претендента в Кракове. Ходили также слухи, что Сигизмунд заказал для будущего царя великолепный столовый сервиз с русскими гербами, и что он сам ежедневно видится с претендентом.

Разумеется, король делал все это не ради красивых глаз беглого монаха. Прежде чем попасть в королевскую резиденцию Вавель, Лжедмитрий был вынужден дать польской королеве клятвенное обещание – отдать Польше половину Смоленской земли и часть Северской; заключить вечный союз между обоими государствами; разрешить свободный въезд иезуитов в Московию; позволить строить католические церкви и,

наконец, обещал помочь королю вернуть шведский престол.

Не прошло и месяца, как Лжедмитрий вынужден был заключить другой договор. В этом договоре, подписанном 12 июня 1604 г., Лжедмитрий обязывался уступить Юрию Мнишку княжества Смоленское и Северское в потомственное владение, и так как половина Смоленского княжества и шесть городов из Северского княжества отойдут королю, то Мнишек получал еще из близлежащих областей столько городов и земель, чтобы доходы с них равнялись доходам с городов и земель, уступленных Сигизмунду.

Как писал С. М. Соловьев, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украинах...»¹⁹. Цитата приведена умышленно, дабы автора не заподозрили в предвзятости. Первоначально местом сбора частной армии Мнишка был Самбор, но затем ее передислоцировали в окрестности Львова. Естественно, что это «рыцарство» начало грабить львовских обывателей, несколько горожан было убито. В Краков из Львова посыпались жалобы на бесчинства «рыцарства». Но король Сигизмунд вел двойную игру, и пока войско Мнишка оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилие. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 410.

Любопытно, как польские историки оправдывают поход этого сброда на Москву. Тот же Казимир Валишевский писал: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью»²⁰.

Таким образом, с польской точки зрения сей поход был лишь экспедицией в страну диких туземцев.

Армия Мнишка медленно приближалась к русским границам. Войско делало в день по две-три мили, иногда останавливалось в одном месте на несколько дней. К концу первых двух недель похода Лжедмитрий все еще оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября был проведен смотр. «Рыцарство» собралось в коло²¹ и произвело выборы командиров. Мнишек, по его же желанию, был выбран главнокомандующим, а Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий – полковниками. Сын Мнишка Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом,

²⁰ *Валишевский К.* Смутное время. М.: Квадрат, 1993. С. 111.

²¹ Типа собрания, которое у донских казаков называлось кругом, а у запорожцев – радой.

Мнишек, его друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

К моменту перехода русской границы в армии Мнишка было 1000–1100 польских гусар, сведенных в роты по две-три сабеля в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от двух до трех тысяч казаков и до двухсот «москалей», то есть беглых русских.

Армия Мнишка, двигаясь по польской территории, безнаказанно грабила местное население. В связи с этим князь Константин Острожский и черкасский староста Ян Острожский отобилизовали свои частные армии и разместили на границах собственных владений, чтобы не допустить туда «рыцарство». Ян Острожский приказал угнать все лодки и паромы с днепровских переправ в районе Киева. И в течение нескольких дней армия Мнишка стояла на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили киевские мещане, предоставившие средства для переправы. Дело тут, разумеется, не в любви киевлян к «спасенному царевичу», как писали наши историки, а в страстном желании мещан оградить свое имущество от храброго «рыцарства».

13 октября 1604 г. войско самозванца переправилось за Днепр и стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости – Моравску (Монастырскому острогу).

Под стенами Чернигова самозванца поначалу встретили пушечной пальбой. Но вскоре и там произошел бунт, воевода князь И. А. Татев был схвачен и передан самозванцу.

В Чернигове было захвачено 27 крепостных орудий. Бытует мнение, что и в Чернигове, и в Моравске бунтовали простые жители, так писали все, начиная с Пушкина и кончая Скрынниковым. Их, видимо, смутила фраза из «Сказания о Гришке Отрепьеве» (XVII век): «...смутишася черные люли и перевязаша воевод...» Так там «черные люди» – это не пахотные крестьяне или посадские, а «черные люди», то есть негодяи. Население этих пограничных городков было невелико по сравнению с их гарнизонами, состоявшими из профессионалов. Эти ратники чуть ли не каждый год отбивали набег татар и частных польских армий. Так что маловероятно, что простым жителям удалось обезоружить гарнизоны Моравска и Чернигова.

Поляки и казаки, войдя в Чернигов, разграбили его. Лжедмитрий публично стыдил грабителей и грозил им смертью, но дальше ругани дело не пошло. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать самозванца своим государем. Отрепьев приказал убить его. Эта казнь запугала взятых в плен дворян. Воеводы Б. П. Татев, Г. П. Шаховский и другие поспешно присягнули Лжедмитрию.

На помощь Чернигову поспешил отряд русских войск под командованием воеводы Петра Федоровича Басманова. В пятнадцати верстах от Чернигова Басманов узнал о его сдаче и отступил в Новгород Северский. В течение недели Басманов готовил крепость к обороне. Местных служилых лю-

дей в городе было немного: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. У Басманова тоже был небольшой отряд, и он запросил подкрепления из близлежащих крепостей. Прибыли еще 59 дворян из Брянска, 363 стрелец из Москвы и 237 казаков из Кром, Белева и Трубчевска. Всего в Новгороде Северском было собрано около полутора тысяч человек, умеющих пользоваться оружием. Эта цифра хорошо иллюстрирует беспечность царя и его воевод, проворонивших вторжение самозванца.

11 ноября 1604 г. войско Лжедмитрия подошло к Новгороду Северскому. Самозванец послал поляков-парламентеров с предложением сдаться. На это со стен закричали: «А, блядские дети! Приехали на наши деньги с вором!» Как видим, русские ратники имели хорошее представление о качественном составе и о целях польского «рыцарства».

13 ноября поляки попытались захватить крепость, но были отбиты, потеряв пятьдесят человек. В ночь с 17 на 18 ноября последовал новый штурм. Поляки безуспешно пытались поджечь деревянные стены крепости, но это им не удалось. Штурм был отбит с большими потерями. Любопытно, что Казимир Валишевский пишет по сему поводу: «Польские гусары не могли справиться с защищенными артиллерией фортами». Видимо, деревянный тын показался доблестным гусарам мощным каменным фортом.

После неудачного приступа «рыцарство» взбунтовалось, собрало коло и потребовало для объяснений царевича. Раз-

гневанный Лжедмитрий начал укорять поляков: «Я думал больше о поляках, а теперь вижу, что они такие же люди, как и другие». «Рыцарство» отвечало ему: «Мы не имеем обязанности брать городов приступом, однако не отказываемся и от этого, пробей только отверстие в стене».

Польские отряды уже собрались покинуть Лжедмитрия, как пришла весть о сдаче самозванцу Путивля. Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Однако гарнизон Путивля не захотел воевать. Воевода князь Василий Рубец-Мосальский был связан и приведен к царевичу. По дороге князь оценил ситуацию, при встрече «узнал» царевича и присягнул ему. Впоследствии Рубец-Мосальский стал одним из приближенных самозванца. В Путивле сторонники самозванца захватили большие денежные суммы (казну), отпущенные Москвой на строительство крепостей и жалованье служилых людей всей Черниговской земли.

За Путивлем последовал Рыльск. 23 ноября служилые люди взбунтовались и арестовали воеводу А. Загряжского. Одновременно взбунтовался Курск, где были арестованы воевода князь Г. Б. Роща-Долгоруков и стрелецкий голова Я. Змеев. Оба были доставлены к самозванцу, признали его и вскоре были назначены воеводами в Рыльск.

Советские историки старательно подгоняли действия служилых людей в этих городах, то есть чисто военные бунты,

под классовую борьбу. Так, историк И. М. Скляр писал, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы «за царя Дмитрия» оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян». Но факты не подтверждают этот вывод. Бунтовщики нападали на воевод, московских стрельцов и всех тех, кто выступал против «добрého» царя, но как только конкретные бояре и дворяне переходили на сторону Лжедмитрия, бунтовщики не только прекращали враждебное к ним отношение, но и безропотно поступали под их начало.

1 декабря на сторону самозванца перешла маленькая, но имевшая большое стратегическое значение крепостца Кромь, расположенная на московской дороге в сорока верстах от Орла. В Орле находился небольшой гарнизон под началом осадного головы Петра Крюкова. По его просьбе в Орел были присланы дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещевска, несшие годовую службу в Белгороде. Командование над отрядом, собравшимся в Орле, принял стрелецкий голова Григорий Иванович Микулин. (Кстати, личность довольно известная, в 1600 г. он ездил послом в Лондон.) Отряд сторонников самозванца приблизился к Орлу, но высланная оттуда дворянская сотня наголову разгромила «воров».

28 ноября в Новгороде Северском часть служилых людей, прельщенных посулами самозванца, пыталась поднять мятеж. Но воевода Басманов сумел подавить его, после чего восемьдесят человек перебежало из крепости к осаждающим.

Между тем поляки привезли к Новгороду Северскому несколько крепостных пушек, захваченных в Путивле, и начали бомбардировку крепости, не прекращавшуюся ни днем, ни ночью, и после недельного обстрела «разбиша град до обвалу земного».

Чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и попросил заключить двухнедельное перемирие, будто бы необходимое для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев согласились на это.

Басманов использовал перемирие, чтобы исправить повреждения крепости. 14 декабря в крепость прорвалось небольшое подкрепление – сотня стрельцов.

Лишь когда пришли первые известия о вторжении войска самозванца, царь Борис приказал собрать в течение двух недель, к 28 октября, дворянское ополчение. Приказ был повторен трижды, но выполнить его не удалось. Основными причинами этого стали осенняя распутица и нежелание дворян ехать на службу.

Командование армией было доверено Дмитрию Ивановичу Шуйскому, одному из самых бездарных московских воевод. Войско двинулось к Брянску, где простояло около трех недель. Брянское стояние надоело Борису, и Шуйский был заменен на князя Федора Ивановича Мстиславского, столь же знатного и бестолкового воеводу.

18 декабря армия Мстиславского подошла к Новгороду Северскому и простояла в полном бездействии три дня. Вос-

пользовавшись этим, солдаты Мнишка напали на татарский отряд из состава сторожевого полка и разгромили его.

20 декабря противники выстроились на поле друг против друга, но до сражения дело не дошло, обошлось все мелкими стычками. Лжедмитрий старался оттянуть начало решительной битвы переговорами, и это ему удавалось, так как Мстиславский тоже не торопился, он ждал подкреплений, хотя у Мстиславского было от 40 до 50 тысяч человек, а у самозванца – не более 15 тысяч.

21 декабря Лжедмитрий атаковал царское войско. Сражение началось стремительной атакой польских гусар на правом фланге войск Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил. Одна из польских гусарских рот, следуя за отступающими, неожиданно оказалась в расположении большого полка около Ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко, захватили стяг, сбросили с коня Мстиславского, ранив его при этом в голову. На выручку воеводе кинулись русские дворяне и стрельцы. Часть гусар была убита, остальные, во главе с капитаном Домарацким, взяты в плен. После ранения Мстиславского командование русским войском взяли на себя воеводы Д. И. Шуйский, В. В. Голицын и А. А. Телятевский. Но они не сумели использовать свое численное преимущество и отдали приказ войску отойти.

Лжедмитрий мог праздновать победу. По польским источ-

никам, поляки потеряли убитыми около 120 человек, а русские – до 4 тысяч человек. Хвастливые поляки приписали успех исключительно себе. Они, видимо, в число убитых не включили казаков и русских сторонников самозванца.

После сражения «рыцарство» потребовало у Лжедмитрия денег. Царское войско отступило в полном порядке, и трофеев практически не было. В Северной земле все, что можно было разграбить, ляхи давно уже разграбили. Пуще всего бесчинствовала рота капитана Фредрова. Выборные из этой роты пришли к самозванцу и заявили: «Дай только нам, а другим не давай: другие смотрят на нас и останутся, если мы останемся». Лжедмитрий поверил и дал денег одной роте. Но утаить это от остального войска не удалось, и ситуация еще больше накалилась.

1 января 1605 г. в лагере самозванца вспыхнул открытый мятеж. «Рыцарство» бросилось грабить обозы. Они хватали все, что попадало под руку – продовольствие, снаряжение, различный скарб. Мнишек попытался остановить грабеж, но следующей ночью мятеж вспыхнул с новой силой. Поляки решили покинуть самозванца. Лжедмитрий ездил по всем ротам, уговаривал «рыцарство» остаться, но в ответ слышал только оскорбления. Один поляк сказал ему: «Дай бог, чтоб посадили тебя на кол». Лжедмитрий дал ему за это в зубы, но этим только распалил поляков, которые стащили с него шубу. Шубу эту потом русские приверженцы самозванца вынуждены были выкупить у поляков.

4 января главнокомандующий Юрий Мнишек покинул лагерь самозванца с большей частью поляков. Формально Мнишек заявил, что едет на сейм в Краков. С Лжедмитрием осталось только полторы тысячи поляков, которые вместо Мнишка выбрали гетманом Дворжицкого. Но вскоре в войско самозванца прибыло большое пополнение – двенадцать тысяч малороссийских казаков.

Лжедмитрий был вынужден снять осаду с Новгорода Северского и двинулся к Севску, который он занял без боя.

Несмотря на бездарные действия русских воевод под Новгородом Северским, царь Борис не только не наложил на них опалу, а наоборот, щедро наградил.

Защитник Новгорода Северского Басманов был вызван в Москву, где его торжественно встретил сам царь. Басманов получил боярство, большое поместье, две тысячи рублей и много ценных подарков.

На помощь страдавшему от ран Мстиславскому царь послал князя Василия Ивановича Шуйского. Кстати, по получении вестей о появлении самозванца в русских пределах он вышел на Лобное место в Москве и торжественно свидетельствовал, что истинный царевич закололся и был погребен им, Шуйским, в Угличе.

20 января 1605 г. русское войско стало лагерем в большом комарицком селе Добрыничи недалеко от Чемлыжского острожка, где находилась Ставка Лжедмитрия.

Узнав о подходе русских, самозванец решил немедленно

атаковать их. На рассвете 21 января польская кавалерия начала сражение. Дворжицкому удалось потеснить полк правой руки, которым командовал князь Шуйский. Затем польская конница повернула к центру русского войска, где наравлась на пушки, московских стрельцов и немцев-наемников, которыми командовали капитаны Маржерет и Розен. Позже поляки утверждали, что по ним был дан залп из двенадцати тысяч пищалей. Так или иначе, но польская конница и казаки обратились в паническое бегство. Лишь пассивность русских воевод, не сумевших организовать преследование врага, предотвратила полное уничтожение всего войска самозванца.

После сражения Лжедмитрий ускорил с небольшой свитой в Рыльск. Оттуда Отрепьев намеревался бежать в Польшу. Но теперь он оказался во власти своих русских сторонников, которых никто не ждал «за бугром» и которым уже нечего было терять. Тем не менее Отрепьеву удалось покинуть Рыльск. Для защиты города он оставил местному воеводе князю Г. Б. Долгорукову несколько казачьих и стрелецких сотен.

У правительственных войск был многократный перевес над защитниками Рыльска, но взять город они не смогли. Две недели царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Но пушкари на городских стенах не давали осаждающим подойти близко к крепости. Штурм также не удался, и на следующий день Мсти-

славский велел отступать к Севску.

Как только русское войско отошло от Рыльска, жители города сделали вылазку и разгромили арьергард, отступавший в последнюю очередь. Им досталось большое количество имущества, которое Мстиславский не успел вывезти из лагеря.

Эта война зимой, среди заснеженных лесов и полей, была непривычна для дворянского ополчения. Русская армия действовала в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения, которое отбивало обозы с продовольствием, создавало трудности с заготовкой провианта и фуража. Все это усугубляло и без того трудное положение армии, которая после трехмесячной кампании стала быстро «таять». Дворяне дезертировали, разъезжаясь по своим поместьям.

В окрестностях Рыльска русская армия, лишенная надежных коммуникаций, оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. На севере сторонники самозванца удерживали Кромы, на юге – Путивль, на западе – Чернигов. В таких условиях воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицыны решили вывести армию из охваченной восстанием местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Царь Борис, разгневанный отступлением армии от Рыльска, послал к войскам окольного П. Н. Шереметева и думного дьяка Афанасия Власьева с наказом: «...пенять и рас-

прашивать, для чего от Рыльска отошли». Царь строжайше запретил воеводам распускать армию на отдых, что вызвало недовольство в полках.

В такой ситуации особое значение приобрела маленькая крепостца Кромы, оказавшаяся в тылу правительственной армии. Городок Кромы был построен московскими воеводами в 1595 г. Крепостца господствовала над левым берегом реки Кромы. Город окружали болота, через которые проходила всего одна дорога. Сам город с посадом был укреплен по образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал, а внутри такая же бревенчатая стена с башнями и бойницами. Гарнизон состоял из двухсот стрельцов и небольшого отряда казаков. Командовал крепостцой Григорий Ананфиев. Однако перед началом осады в Кромы прибыл атаман Корела с четырьмя сотнями донских казаков.

Правительственные войска Шереметева в течение нескольких месяцев безуспешно осаждали Кромы. Не помогли и несколько осадных орудий, доставленных под Кромы в конце февраля. С некоторой долей упрощения можно сказать, что с февраля 1605 г. война с самозванцем из маневренной перешла в позиционную. Царские войска оказались в положении мужика, поймавшего медведя, но не имевшего сил его вытащить из берлоги.

Развязка наступила в результате случайности или козней московских бояр. 13 апреля 1605 г. царь Борис внезапно умер или был отравлен.

19 апреля под Кромь, где большое царское войско осаждало атамана Корелу, прибыл новый второй воевода большого полка Петр Басманов. Он привел войско к присяге новому царю Федору Борисовичу.

Но через несколько дней после присяги царь Федор прислал в действующую армию разрядную роспись. Роспись была формально составлена верно, но фактически она оскорбляла обласканного ранее царем Борисом Басманова. Царь Федор мог просто приказать «быть без мест», то есть объявить чрезвычайное положение, при котором царь имел право назначить на воеводские должности кого угодно. Но после окончания похода бывшие воеводы и их потомки лишались права ссылаться на соотношение должностей в этом походе. Но Федор то ли по неопытности, то ли по наущению бояр решил действовать по традиции. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евял и бил челом бояром и воеводам всем: «Отец, государи мои, Федор Алексеевич точно был дважды больши деда князя Ондреева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи, князю Ондрею Телятевскому, и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору».

О смерти царя Бориса Лжедмитрий узнал в конце апреля. Теперь самозванец предпочел активным боевым действиям психологическую войну. В лагерь осаждающих под Кромами десятками забрасывались «прелестные» письма с призывами

переходить на сторону самозванца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.